

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 202–228
Научная статья
УДК [94(470.1/.2)(48)"1990/2020":327](045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.202>

Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество: результаты и последствия для России

Соколова Флера Харисовна^{1✉}, доктор исторических наук, профессор
Труфанова Елизавета Андреевна², ассистент

^{1,2} Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ f.sokolova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

² e.trufanova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9460-1497>

Аннотация. В статье выявляются результаты Баренцева Евро-Арктического сотрудничества, прежде всего трансграничного, декларируемые и реальные интересы участников взаимодействия и их последствия в контексте влияния на национальные интересы России. Исследование опирается на концепцию неоклассического реализма, что позволяет рассматривать формирование и развитие данного многостороннего формата взаимодействия как результат сочетания внешних условий постбиполярного мира и внутривнутриполитических и экономических трансформаций в России 1990-х гг. и через призму национальных интересов стран — участниц объединения. Исследование базируется на официальных документах Совета Баренцева Евро-Арктического региона, статистических материалах профильных институтов, а также внешнеполитических документах стран Северной Европы и, прежде всего, Норвегии, как инициатора данного формата сотрудничества. Установлено, что в развитии Баренцева Евро-Арктического сотрудничества были заинтересованы все страны-участницы. Однако декларируемые официально и реальные цели членов данного формата взаимодействия существенно разнились. Сотрудничество фактически свелось к гуманитарной сфере. Наряду с позитивными результатами были очевидны негативные последствия для национальных интересов России. Данное сотрудничество на несколько десятилетий снизило международную напряжённость в регионе, позволило поддерживать социально-культурную и научно-образовательную сферу северных российских регионов в условиях глубочайшего кризиса 1990-х — начала 2000-х гг. в стране. Однако лишь на время была отложена проблема обеспечения военной безопасности России в регионе. В общественном сознании жителей северных субъектов России проявлялись результаты «мягкосилового» воздействия. Существенно упал престиж России и её политическое влияние в мире и регионе. В связи с низкой платёжеспособностью и отсутствием возможностей для пропорционального софинансирования, Россия играла ведомую роль в данном формате многостороннего международного взаимодействия.

Ключевые слова: Баренцев Евро-Арктический регион, Баренцево сотрудничество, Россия, трансграничное сотрудничество, неоклассический реализм, национальные интересы стран Баренцева Евро-Арктического сотрудничества

Barents Euro-Arctic Cooperation: Results and Consequences for Russia

Flera H. Sokolova^{1✉}, Dr. Sci. (Hist.), Professor
Elizaveta A. Trufanova², Research Assistant

* © Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А., 2026

Для цитирования: Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество: результаты и последствия для России // Арктика и Север. 2026; 64: 202–228. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.202>

For citation: Sokolova F.H., Trufanova E.A. Barents Euro-Arctic Cooperation: Results and Consequences for Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 202–228. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.202>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

^{1,2} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ f.sokolova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

² e.trufanova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9460-1497>

Abstract. This article examines the outcomes of the Barents Euro-Arctic cooperation, particularly its cross-border dimension, analyzing both the declared and the actual interests of the participating actors and their consequences in the context of Russia's national interests. The study is based on the concept of neoclassical realism. This approach allows for the examination of the formation and development of this multilateral format as the result of a combination of external conditions in the post-bipolar world and domestic political and economic transformations in Russia during the 1990s, and through the prism of the national interests of the member states. The study is based on official documents of the Barents Euro-Arctic Council, statistical materials from relevant institutions, and foreign policy documents of Nordic countries, primarily Norway as the initiator of the cooperation format. It is established that all participating states had an interest in developing the Barents Euro-Arctic cooperation. However, the officially declared goals and the actual objectives of the members of this framework differed significantly. The cooperation de facto narrowed to the humanitarian sphere. Alongside the positive results, there were obvious negative consequences for Russia's national interests. This cooperation reduced international tensions in the region for several decades and made it possible to sustain the socio-cultural, scientific, and educational sectors in Russia's northern regions during the country's deepest crisis of the 1990s and early 2000s. However, the issue of ensuring Russia's military security in the region was only postponed. The outcomes of this "soft power" influence manifested in the public consciousness of residents in Russia's northern territories. The prestige and political influence of Russia globally and in the region declined substantially. Due to low solvency and a lack of capacity for proportional co-financing, Russia played a subordinate role in this format of multilateral international cooperation.

Keywords: *Barents Euro-Arctic region, Barents cooperation, Russia, cross-border cooperation, neoclassical realism, national interests of the Barents Euro-Arctic cooperation states*

Введение

Кардинальная трансформация современных международных отношений, нарастание политической конфронтации и линия поведения западных государств по отношению к России вынуждают к переосмыслению форм, механизмов и результатов многостороннего международного взаимодействия с западными странами на Севере и в Арктике, в которое была вовлечена наша страна. В этом контексте особый интерес представляет Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество, которое на протяжении длительного времени воспринималось как один из наиболее успешных примеров диалога между Россией и странами Северной Европы. Однако международные процессы последних десяти лет в Арктике, обострение отношений со странами Северной Европы, вступление Швеции и Финляндии в НАТО вынуждают взглянуть на этот формат международного взаимодействия сквозь призму соотношения с национальными интересами стран — участниц объединения. Обращение к данному опыту позволит дать взвешенную оценку результатов этого сотрудничества и оценить пределы допустимого в гуманитарном воздействии в сфере внешней политики.

Тема формирования и развития Баренцева Евро-Арктического региона довольно подробно проанализирована специалистами, среди которых следует выделить В.И. Голдина (Голдин, 2019; Голдин, 2015; Голдин, Зайков, Нильсен, 2015), К. Циммербауэра

(Zimmerbauer, 2013), Ю.Ф. Лукина (Лукин, 2010), К. Хоссейн и Д. Камбу (Hossain, Cambou, 2018), Г. Хеннеланда (Hønneland, 2017; Hønneland, 1998), Й. Эрикссона (Eriksson, 1995). Многие из представленных авторов стояли у истоков Баренц-сотрудничества и способствовали его развитию, что позволяет рассматривать их работы как свидетельства непосредственных участников процесса формирования региона и реконструировать логику его создания. В то же время значительная часть данных исследований создавалась в условиях доминирования неолиберальной парадигмы во внешней политике России, что во многом определяло акценты на позитивных аспектах сотрудничества и его интерпретацию как равноправного партнёрства.

Взаимодействию в разных сферах в рамках Баренц-региона посвящены исследования Ю.П. Окунева (Окунев, 2012), Е.Ю. Терещенко (Терещенко, 2018), И.А. Медби (Medby, 2022), Е. Кортениеми¹. В этих работах Баренцево сотрудничество, как правило, рассматривается вне контекста соперничества национальных интересов и интерпретируется преимущественно как инструмент стабилизации и роста доверия в североевропейском регионе. Интерпретация БЕАР как преимущественно деполитизированного и ценностно нейтрального пространства взаимодействия оставляет без должного внимания вопрос соотношения гуманитарных практик и внешнеполитических интересов государств-участников. Это обуславливает необходимость дополнительного анализа Баренцева сотрудничества и его результатов в контексте влияния на национальные интересы России.

В свете вышеизложенного цель статьи заключается в анализе результатов сотрудничества в БЕАР, которое преимущественно охватывало гуманитарную сферу, и выявлении их последствий для национальных интересов России в регионе.

Методы и материалы

На протяжении многих лет Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество рассматривалось исследователями сквозь призму неолиберализма, что соответствовало внешнеполитической парадигме России 1990-х — начала 2000-х гг. Авторы настоящей статьи попытаются представить результаты этого взаимодействия сквозь призму неоклассического реализма, согласно которому государства на мировой арене руководствуются, прежде всего, национальными интересами, а внешнеполитическая деятельность формируется под воздействием, с одной стороны, внешних системных факторов международной среды (характер международных отношений, расстановка сил на мировой арене), с другой — внутренних политических, институциональных и персональных переменных (восприятия элитами внешних угроз и возможностей, внутреннее социально-экономическое состояние государства, характер принимаемых политических решений) (Коньшев, 2020).

Применительно к формированию и развитию Баренцева Евро-Арктического региона

¹ Kortenien E. Nordic Cooperation with Russia in Education and Research. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 2011; 109. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:701620/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).

неоклассический реализм позволяет объяснить стратегию стран Северной Европы, прежде всего Норвегии, как рациональный ответ на трансформацию международной системы. Завершение холодной войны и ослабление России в начале 1990-х гг. создали новую структурную конфигурацию безопасности в мире и в Северной Европе, которая воспринималась норвежскими политическими элитами как окно возможностей для расширения своего политического влияния на Россию ненасильственными средствами, что выразилось в инициативе формирования Баренцева Евро-Арктического региона. В условиях снижения военных рисков и отсутствия прямой угрозы со стороны России Норвегия сделала ставку на институционализацию гуманитарного и регионального сотрудничества как инструмента долгосрочного воздействия и стабилизации периферийного пространства.

В свою очередь, и сама Россия 1990-х гг. проявляла готовность к восприятию внешних ценностных и институциональных моделей, так как стремилась интегрироваться в европейское пространство и систему его политических и экономических ценностей, правда, на равных партнёрских условиях, что нашло отражение в Концепции внешней политики России 1993 г.² Таким образом, выбранная для исследования концепция позволяет реально оценить результаты сотрудничества в БЕАР и их последствия для России.

Реализация поставленной цели достигалась путём использования общенаучных методов исследования. В частности, метод анализа позволил в динамике представить результаты сотрудничества по ключевым направлениям взаимодействия и соотнести декларируемые цели участников объединения с их внешнеполитическими приоритетами. В свою очередь, метод синтеза позволил сделать обобщающие выводы и авторские заключения.

Источниковую базу исследования составили официальные документы Баренцева Евро-Арктического сотрудничества (Киркенесская декларация 1993 г. и «юбилейные» декларации 2003, 2013 и 2023 гг., программы председательства и другие документы), официальная статистика Баренцева Норвежского секретариата*. Особое внимание уделено источникам Норвегии как государства-инициатора сотрудничества: были использованы норвежские внешнеполитические документы (Белая книга 2008–2009 гг., где излагаются цели и логика внешнеполитических инициатив страны с 1990-х гг., и отчёт Норвежского научно-исследовательского института обороны). Совокупность представленных документов в целом позволяет реализовать поставленные цели и задачи исследования.

² Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. 2023; 122. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50481108> (дата обращения: 15.12.2025).

*Норвежская неправительственная организация «Норвежский Баренцев секретариат» (Barentssekretariatet IKS) была внесена в список нежелательных организаций в России 25 февраля 2026 года (по решению Генеральной прокуратуры РФ. Официально опубликовано/закреплено распоряжением Минюста № 293-р от 06.03.2026). URL: <https://gogov.ru/articles/unwanted-orgs>; <https://tass.ru/politika/26731765>

Историко-политический контекст создания Баренцева Евро-Арктического региона

В условиях биполярного противостояния Арктика рассматривалась как пространство высокой политики и стратегической конкуренции, что обусловило её интенсивную милитаризацию. В регионе размещались значительные вооружённые силы и элементы ядерной инфраструктуры, включая стратегические атомные подводные лодки (Heininen, Lomagin, 2016). Одновременно логика холодной войны стимулировала развитие хозяйственной деятельности и инфраструктуры, особенно в районе Баренцева моря, который превратился в объект стратегической безопасности и был включён в сферу национальных интересов ведущих держав (Hossain, Cambou, 2018).

Предпосылки изменения архитектуры международных отношений в регионе были обусловлены комплексными изменениями в Советском Союзе. В частности, начались реформы М.С. Горбачёва. Внешнеполитический курс государства претерпел существенные изменения, направленные на отказ от конфронтационной логики холодной войны. Политика «нового мышления», выдвинутая М.С. Горбачёвым, предполагала демократизацию общественной жизни, снижение идеологической напряжённости и признание взаимозависимости в международных отношениях.

Одним из ключевых факторов активизации контактов между СССР и странами Северной Европы стала «мурманская речь» М.С. Горбачёва, произнесённая 1 октября 1987 г. В обращении к международному сообществу, прежде всего к североевропейским государствам, советское руководство обозначило необходимость снижения военной напряжённости в Арктике и перехода к кооперативным форматам взаимодействия. В рамках так называемых «Мурманских инициатив» были предложены шесть направлений многостороннего сотрудничества, включая создание безъядерной зоны на севере Европы, ограничение военно-морской активности, совместное освоение арктических ресурсов, развитие научного взаимодействия и экологической повестки, открытие Северного морского пути для иностранных судов (Паникар, Соколова, 2026). Эти предложения задали новый вектор политики СССР в северных широтах и стали важным шагом к институционализации многостороннего сотрудничества в регионе.

Инициатива учреждения Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) принадлежала Норвегии. В частности, министр иностранных дел Норвегии Торвальд Столтенберг (в 1979–1981 гг. занимал пост министра обороны) в ходе конференции в Тромсё 24 апреля 1992 г. предложил использовать понятие «Баренц-регион», выступив с инициативой институционализации взаимодействия между северными территориями североевропейских государств и России (Hønneland, 1998). Роль Торвальда Столтенберга в формировании данной концепции была определяющей, что закрепило за ним в историографии статус ключевого архитектора и «отца-основателя» Баренцева сотрудничества. Хотя интерес к развитию контактов проявляли и другие страны региона. Финляндия рассматривала возможность расширения формата Северного Калотта за счёт включения российских

территорий, однако норвежская сторона опередила Хельсинки, предложив собственную институциональную модель сотрудничества (Hønneland, 2017).

Официальное оформление Баренцева Евро-Арктического сотрудничества произошло 11 января 1993 г. с подписанием Киркенесской декларации в норвежском городе Киркенес. Документ был подписан министрами иностранных дел Норвегии, России, Швеции, Финляндии, Дании и Исландии, а также представителем Европейской комиссии, и заложил институциональную основу взаимодействия в регионе. Принятие Декларации привело к созданию Совета Баренцева Евро-Арктического региона и Баренцева регионального совета, окончательно закрепив многосторонний формат сотрудничества, участниками которого стали государства-подписанты документа³.

Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество изначально позиционировалось как механизм обеспечения устойчивого развития региона, основанный на принципах, закреплённых в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года. В числе приоритетных задач были обозначены поддержание региональной стабильности и укрепление международного мира и безопасности посредством развития двустороннего и многостороннего взаимодействия в сферах экономики и торговли, науки и техники, туризма, экологии, инфраструктуры, образования и культуры, а также реализации специальных проектов, направленных на улучшение положения коренных народов Севера⁴.

Субнациональный уровень взаимодействия первоначально охватывал провинцию Лапландия (Финляндия), губернии Нурланн, Тромс и Финнмарк (Норвегия), лен Норрботтен (Швеция), Архангельскую и Мурманскую области (Россия). В перспективе допускалась возможность его расширения за счёт включения других административных единиц. В рамках данного уровня взаимодействия предполагалось содействие социально-экономическому развитию регионов-участников, включая создание условий для торговли, привлечения иностранных инвестиций, совершенствование инфраструктуры транспорта и коммуникаций, развитие контактов между людьми и развитие культурных связей⁵.

В целом участники рассматривали инициативу сотрудничества в Баренцевом регионе как часть процесса развёртывания европейского сотрудничества и интеграции с включением в эти процессы России и выражали всемерную «поддержку продолжающемуся процессу реформ, которые были направлены на укрепление демократии, рыночной экономики и местных институтов»⁶.

Однако на основе анализа работ зарубежных экспертов, которые являлись непосредственными участниками процесса создания БЕАР, высказываний норвежских политических деятелей, а также официальных документов, определяющих

³ Declaration on the Cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.1.1993. URL: <http://library.arcticportal.org/2810/> (дата обращения: 13.12.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

внешнеполитические приоритеты Норвегии, попытаемся выявить истинные причины заинтересованности Норвегии в создании БЕАР.

Справедливо утверждение Л. Хайнинена и Д. Камбу, что после распада Советского Союза у государств Северной Европы «появилась возможность пересмотреть свою внешнюю политику, чтобы сотрудничать с Россией, а не противостоять ей, имея целью снизить военную напряжённость периода холодной войны и повысить политическую стабильность на европейском Севере» (Hossain, Cambou, 2018). На не менее важную задачу норвежского правительства — обеспечение экономического развития Северной Норвегии за счёт использования России как торгового партнёра — указывает Дж. М. Квистад⁷.

Однако ключевой интерес Норвегии в создании БЕАР лежал в геополитической плоскости. В частности, после окончания холодной войны Норвегия, член НАТО, но не член Европейского союза, могла оказаться на задворках европейской политики. Второстепенную роль она играла и в Совете государств Балтийского моря, учреждённом в 1992 г. (Aalto, Aasland, Anker et al., 2008). Баренцев регион задумывался как связующее звено не только между Россией и североевропейскими странами, но и с Европой в целом, что позволило бы Норвегии занять новое, более значимое место в обновляющейся европейской системе международных отношений (Zimmerbauer, 2013). Таким образом, изначальная заинтересованность Норвегии в развитии сотрудничества в регионе была обусловлена стремлением увеличить своё влияние в Европе как транслятора ценностей Европы в Россию в условиях внешнеполитического курса России, ориентированного на кооперацию с Западом.

Очевидны были и попытки усиления политического влияния на Россию «мягкими» методами. Основатели БЕАР стремились создать общее самосознание среди жителей и превратить его из «региона на бумаге» в «регион живой идентичности» (Brown-Leonardi, 2010), что было отражено и в Киркенесской декларации 2003 г., где подчёркивалась необходимость укрепления «баренцевой культурной идентичности»⁸.

Значительный вклад в создание образа Баренц-региона и продвижение идеи общей идентичности вносила активно продвигаемая норвежской стороной концепция «поморской торговли», под которой понимаются традиционные формы обмена товарами между жителями северной Норвегии и российскими поморами в XVIII–XX вв.⁹ Экспертно-аналитические центры, деятельность которых сопровождала формирование и развитие Баренцева Евро-Арктического региона, анализировали историю Севера и Арктики, чтобы отдельно выделить «те фрагменты добрососедских отношений России со странами

⁷ Kvistad J.M. The Barents Spirit. A Bridge-Building Project in the Wake of the Cold War. Forsvarsstudier. 1995; 49. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:227493/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).

⁸ BEAC 10 Year Anniversary Declaration. 2003. URL: https://barents-council.org/document/462_doc_BarentsSummitDeclaration.pdf (дата обращения: 13.12.2025).

⁹ Россия в норвежской политике памяти. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/rossiya-v-norvezhskoy-politike-pamyati> (дата обращения: 12.11.2025).

Северной Европы, которые представляют наибольший интерес для формирования северной идентичности»¹⁰. Аппелляция к общему историческому опыту служила символическим основанием для «возрождения» трансграничных связей и подчёркивала культурную близость регионов. Тему поморской торговли и поморов в целом активно продвигали политические деятели. Так, на церемонии присуждения звания почётного доктора в Северном (Арктическом) федеральном университете в 2011 г. Торвальд Столтенберг заявил, что он — помор, отметив исторические связи Архангельска и Норвегии¹¹. Вклад истории поморской торговли в формирование Баренц-идентичности проявлялся в различных культурных инициативах: в Норвегии проходили Поморские фестивали, в г. Вардё был открыт Поморский музей и др. Нельзя отрицать факт осуществления экономического взаимодействия между норвежцами и русскими, однако активно продвигаемые норвежские нарративы о «поморах» и «поморской торговле» создавали почву для развития идей сепаратизма и национализма в регионах (Корниленко, 2023), например, среди населения Архангельской области обсуждались идеи отделения от России¹². Стремление к формированию общей региональной идентичности для людей, которые на протяжении веков жили по разные стороны границы, имея различные политические, культурно-религиозные традиции, являлось потенциальным полем для воздействия «мягкой силы», особенно со стороны Норвегии.

Подтверждают вышеизложенное и официальные внешнеполитические документы Норвегии, в частности Белая книга 2008–2009 гг., где дан ретроспективный анализ внешнеполитических приоритетов страны в 1990-е г.¹³ Анализ документа позволяет констатировать, что формирование БЕАР стало инструментом для решения конкретных национальных задач в новой постбиполярной реальности. После распада Советского Союза прямая военная угроза, по мнению норвежских военных экспертов, сменилась более сложной и неопределённой средой безопасности, в которой краткосрочные риски связывались с внутренней нестабильностью в России, а долгосрочные — с возможным восстановлением её военного потенциала¹⁴. Вовлечение России в сотрудничество было призвано минимизировать угрозу военного противостояния. Более того, такая «мягкая стабилизация» создавала предсказуемую среду, необходимую для защиты ключевого национального интереса Норвегии — суверенного контроля над морскими ресурсами

¹⁰ Carrillo J.L.M. Regional security-building in Europe: the Barents Euro-Arctic region. Umeå: Umeå universitet. 1998; 55. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:227493/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

¹¹ Thorvald Stoltenberg: «Ja — Pomor». 16.02.2011. URL: <https://www.thebarentsobserver.com/news/thorvald-stoltenberg-ja-pomor/383152> (дата обращения: 15.12.2025).

¹² Кто такие поморы и почему они хотят отделиться. 11.06.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1947315> (дата обращения: 02.01.2026).

¹³ Report No. 15 to the Storting (2008-2009). Interests, Responsibilities and Opportunities The main features of Norwegian foreign policy Recommendation from the Ministry of Foreign Affairs, 13.03.2009. URL: <https://www.regjeringen.no/en/documents/report-no.-15-to-the-storting-2008-2009/id548673/> (дата обращения: 13.01.2026).

¹⁴ Norwegian Defence Reforms of the 1990s, FFI rapport, 2002. URL: <https://kudos.dfo.no/documents/50944/files/33391.pdf> (дата обращения: 13.01.2026).

(нефть, газ, рыбные ресурсы) на основе международного права¹⁵. Однако эта повестка никогда не заменяла, а лишь дополняла жёсткую архитектуру безопасности, неизменным краеугольным камнем политики Осло оставались НАТО и трансатлантическая связь как гарантия сдерживания¹⁶. Таким образом, Баренцев регион изначально проектировался как прагматичный элемент внешнеполитической стратегии Норвегии, где институты «мягкой» безопасности связывались с вполне реалистичными целями по защите суверенитета и национальных интересов.

Об этом свидетельствует и анализ оборонной политики стран Северной Европы, которые рассматривали Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество как элемент более широкой архитектуры региональной безопасности, в которой «жёсткие» и «мягкие» инструменты были институционально разведены. В позициях стран Северной Европы наблюдается чёткая ориентация на евроатлантические механизмы коллективной обороны и сдерживания. Так, после окончания холодной войны Финляндия и Швеция постепенно интегрировали свои военные стратегии в рамки сотрудничества с НАТО и коллективной обороны, отказываясь от прежнего нейтралитета в пользу усиленной кооперации и проведения совместных операций под эгидой альянса (Friis, Tamnes, 2024; Межевич, Ногаев, 2024). Военно-политическое измерение стратегий стран Северной Европы значительно развилось в сторону углубления интеграции с Североатлантическим альянсом, в то время как Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество вписывалось в модель североевропейской политики как элемент «мягкой стабилизации» приграничного пространства, сознательно отделённый от сферы военной безопасности, но функционально дополнявший её.

Причины активного включения России в североевропейское сотрудничество были обусловлены рядом факторов, сложившихся в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Во-первых, распадом биполярной системы международных отношений и развалом Советского Союза. Во-вторых, наивной верой в то, что радикальные преобразования в стране позволят России интегрироваться в европейское пространство на условиях равного партнёрства. В-третьих, сменой политических элит, которые нередко в своих действиях руководствовались не национальными интересами страны, а личными властными амбициями. В-четвёртых, глубочайшим социально-экономическим кризисом в стране. И наконец, последствиями радикальных либеральных реформ, которые проводились по западным образцам, без учёта специфики страны. Курс на экономическую самостоятельность субъектов Российской Федерации и ослабление государственной поддержки имели пагубные последствия для дотационных регионов. Территории, ранее зависевшие от централизованного снабжения и планового распределения ресурсов, оказались в условиях институционального вакуума и

¹⁵ Report No. 15 to the Storting (2008-2009). Interests, Responsibilities and Opportunities The main features of Norwegian foreign policy Recommendation from the Ministry of Foreign Affairs, 13.03.2009. URL: <https://www.regjeringen.no/en/documents/report-no.-15-to-the-storting-2008-2009/id548673/> (дата обращения: 13.01.2026).

¹⁶ Там же.

экономической изоляции. В частности, многие субъекты Севера России были вынуждены формировать стратегии приспособления к новым условиям и искать пути самостоятельного выживания и развития. Вариантом решения данной проблемы стало установление с соседними странами партнёрских отношений, которые нередко переходили в плоскость спонсорства. Так, в декабре 1991 г. Норвегия в рамках акции «Помощь соседу» выделила 20 млн крон для развития северо-западных регионов России (Eriksson, 1995).

Таким образом, оформление Баренцева Евро-Арктического сотрудничества было обусловлено, с одной стороны, кардинальной трансформацией системы международных отношений и распадом биполярной системы в связи с развалом Советского Союза, а с другой — процессами, происходившими внутри России. Формально Баренцев Евро-Арктический регион конструировался как неолиберальный проект, однако за кадром стояли национальные интересы европейских государств, прежде всего — Норвегии. России он предоставлял краткосрочный положительный результат, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе нанёс ущерб национальным интересам России и содействовал падению престижа и политического веса страны на мировой арене. Не снял он с повестки и актуальную проблему обеспечения национальной безопасности в военной сфере, на что надеялась Россия на старте этих инициатив.

Результаты Баренцева трансграничного сотрудничества¹⁷

После институционального оформления в 1993 г. сотрудничество в Баренцевом регионе развивалось по широкому спектру направлений. Официально взаимодействие охватывало экономику, экологию, транспорт, гуманитарные и культурные обмены и другие сферы, что было закреплено в стратегических документах (см. рис. 1).

Киркенесская декларация, 1993	Киркенесская декларация, 2003	Киркенесская декларация, 2013	Баренцева программа, 2019-2023	Программа председательства Финляндии, 2021-2023
окружающая среда	устойчивое развитие	экономика	международная конкурентоспособность	устойчивое развитие
экономика	экономика	финансы	климат и окружающая среда	окружающая среда
наука и технологии	наука и технологии	контакты между людьми	культура	контакты между людьми
инфраструктура	инфраструктура	знания	контакты между людьми	транспорт и логистика
коренные народы	коренные народы	окружающая среда	молодежь	
контакты между людьми	контакты между людьми	культура	инфраструктура	
культурные связи	культурные связи	здоровье	транспорт и коммуникация	
туризм	туризм	туризм		

Рис. 1. Цели, заявленные в документах Баренцева сотрудничества¹⁸.

¹⁷ В соответствии с Рекомендацией Комитета министров к государствам — членам Совета Европы по развитию трансграничного сотрудничества между территориальными сообществами и властями в сфере культуры, под трансграничным сотрудничеством понимались любые совместные действия, направленные на укрепление и развитие добрососедских отношений между территориальными сообществами и властями в рамках юрисдикции двух и более договаривающихся сторон, и заключение любого договора или соглашения, необходимого для этой цели. Источник: Рекомендация № R (2000) 1 Комитета Министров к государствам — членам Совета Европы, 12.01.2000. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902012239> (дата обращения: 03.02.2026).

Однако уже на начальном этапе взаимодействия, несмотря на широту официально заявленных направлений, проявлялась тенденция к приоритету гуманитарных и социально-культурных инициатив, поскольку именно они были наиболее гибкими, на первый взгляд менее политизированными и лучше всего позволяли воздействовать на общественное сознание жителей региона. Как справедливо отмечает Ю.Ф. Лукин, в случае Баренцева Евро-Арктического региона «наибольшее развитие получили культурные связи, контакты в сфере образования и науки» (Лукин, 2010).

В рамках Баренцева региона активно развивалось культурное сотрудничество, повестка которого охватывала широкий спектр инициатив. Именно эта сфера оказалась наиболее восприимчивой к трансграничным формам взаимодействия, создавая пространство для регулярных обменов, совместных проектов и прямого диалога между жителями северных территорий России и стран Северной Европы. Культурная сфера стала одним из наиболее эффективных инструментов конструирования транснационального регионального сообщества, где акцент на общей культуре и истории служил фундаментом для дальнейшего углубления сотрудничества и укрепления гуманитарных связей.

Одно из центральных направлений сотрудничества составляли массовые культурные мероприятия и фестивали, например, ежегодный Баренц-спектакль, проводимый с 2004 г., объединял артистов, музыкантов и деятелей современного искусства из России, Норвегии, Финляндии и Швеции, создавая устойчивые профессиональные контакты. Мероприятие проходило в норвежском Киркенесе, что дало городу возможность экономического развития после закрытия градообразующих шахт. Ежегодное проведение различных фестивалей (Баренц-спектакль, фестиваль «Птица Баренц», Поморский фестиваль и др.) способствовало развитию культурного многообразия и формированию представления о северном пространстве как едином культурно-историческом ареале (Окунев, 2012).

Ключевым институциональным инструментом поддержки гуманитарных инициатив в Баренцевом Евро-Арктическом регионе выступал Норвежский Баренцев секретариат*, обеспечивавший организационное и финансовое сопровождение трансграничных проектов (Тевлина, 2012). При этом явно преобладал российско-норвежский вектор в структуре Баренц-сотрудничества (Бестужева, 2014), что предопределило фокус именно на двусторонних программах. С момента учреждения в 1993 г. Секретариат содействовал реализации свыше 60 тыс. проектов, общий объем софинансирования которых превысил 300

¹⁸ Составлено авторами по данным: Declaration on the Cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.1.1993. URL: <http://library.arcticportal.org/2810/>, free access (дата обращения: 13.12.2025); BEAC 10 Year Anniversary Declaration, 2003. URL: https://barents-council.org/document/462_doc_BarentsSummitDeclaration.pdf (дата обращения: 13.12.2025); Declaration on the 20th Anniversary of the Barents Euro-Arctic Cooperation, 2013. URL: https://barents-council.org/document/Barents_Summit_Declaration_2013.pdf (дата обращения: 13.12.2025); The Barents Program 2019 — 2023. URL: https://barents-council.org/files/Barents-Programme/Barents_program_2019-2023_adopted_24_May_2018.pdf (дата обращения: 13.12.2025); Program of the Finnish chairmanship. The Finnish Presidency of the Barents Euro-Arctic Council 2021–2023. URL: https://barents-council.org/document/Barents_esite_en_A4.pdf (дата обращения: 13.12.2025).

млн норвежских крон (см. рис. 2).

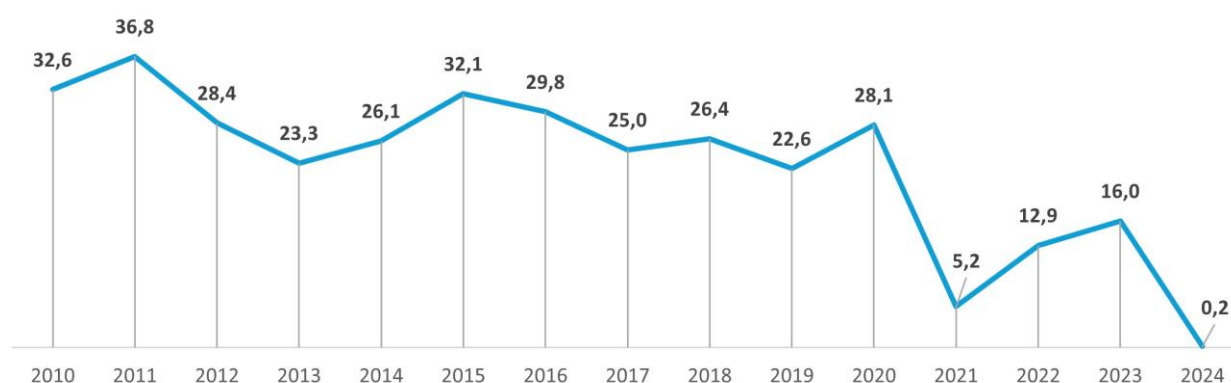

Рис. 2. Объёмы финансирования проектов Норвежским Баренцевым секретариатом*, 2010–2024 гг., млн норвежских крон¹⁹.

Одним из наиболее ранних практических результатов институционализации Баренцева сотрудничества стало оформление академических каналов взаимодействия. Активно развивалось сотрудничество в сфере образования и науки, в рамках которого осуществлялся обмен студентами, создавались программы языковых курсов, началась реализация программ двух дипломов. Так, в апреле 1993 г. при Поморском государственном университете (ПГУ) в Архангельске начал работу Норвежско-Поморский центр, который выполнял функции информационной и координационной площадки для студентов и преподавателей, способствуя реализации программ академической мобильности, проведению совместных научных мероприятий и развитию партнёрских связей с университетами Северной Европы²⁰. Основными форматами сотрудничества стали обмены обучающимися и преподавателями. С 1995 г. начала действовать программа «Баренц плюс», нацеленная на развитие обменов студентами и преподавателями между высшими учебными заведениями российской и норвежской частей Баренцева региона (Salo, Vasaliev, 2016). Ежегодно (до прекращения сотрудничества в 2022 г.) финансировалось около 80 студенческих и 15 преподавательских обменов между Россией и странами Северной Европы²¹. Между университетами северо-западной России и северной Норвегии также реализовывалась программа «North2North». Формирование общеевропейского пространства высшего образования после подписания Болонской декларации в 1999 г.

*Норвежская неправительственная организация «Норвежский Баренцев секретариат» (Barentssekretariatet IKS) была внесена в список нежелательных организаций в России 25 февраля 2026 года (по решению Генеральной прокуратуры РФ. Официально опубликовано/закреплено распоряжением Минюста № 293-р от 06.03.2026). URL: <https://gogov.ru/articles/unwanted-orgs>; <https://tass.ru/politika/26731765>

¹⁹ Составлено авторами по данным: Statistics on Projects. URL: <https://barents.no/en/prosjekt> (дата обращения: 13.12.2025).

²⁰ История АГПИ-ПГУ. URL: https://library.narfu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=562&Itemid=627&lang=ru дата обращения: 24.01.2026).

²¹ Kortenien E. Nordic Cooperation with Russia in Education and Research. Copenhagen: Nordic Council of Minister. 2011; 109. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:701620/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).

нашло отражение и в повестке Баренцева сотрудничества. В этих условиях профильная рабочая группа БЕАР инициировала обсуждения по поводу создания согласованного научно-образовательного пространства региона, а данное предложение получило поддержку со стороны университетов стран Баренц-региона (Голдин, 2019).

Масштабы сотрудничества в Баренц-регионе на более поздних этапах можно рассмотреть на примере Северного (Арктического) федерального университета (САФУ) — крупнейшего российского учебного заведения в БЕАР, куда в 2010 г. влился ПГУ. Данные о студентах, принявших участие в мероприятиях академической мобильности, представлены на рис. 3. Как можно видеть, подавляющее число студентов университета, принимающих участие в программах академического обмена, выезжали в страны Баренцева Евро-Арктического региона.

Рис. 3. Участие студентов САФУ в программах академической мобильности, 2015–2020 гг., количество студентов²².

Важную роль в Баренцевом Евро-Арктическом сотрудничестве играло академическое взаимодействие исследователей Северо-Запада России и северных регионов Норвегии, Швеции и Финляндии (Насонова, 2013), результатом которого стало появление ряда совместных научных работ по истории и культуре региона. Одним из наиболее значимых итогов этого сотрудничества стал фундаментальный труд «Баренц-регион. Транснациональная история субарктической Северной Европы», опубликованный в 2015 г.

²² Составлено авторами по данным: Отчёт о реализации программы развития в 2015 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/884/safu-otchet-2015-rasshirennyy.pdf> (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития в 2016 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/d46/safu-otchet-pr-2016.pdf> (дата обращения: 12.12.2025); Реализация Программы развития САФУ имени М.В. Ломоносова в 2017 году. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/f64/Programma-Otchet-Rasshirennyy-2017.pdf> (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития в 2018 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/997/SAFU-Otchet-2018-dlya-sayta.pdf> (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития в 2019 году Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/249/SAFU-Otchet-o-realizatsii-PR-za-2019-god.pdf> (дата обращения: 12.12.2025); Отчёт о реализации программы развития Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в 2020 году. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/2a4/SAFU-imeni-M.V.Lomonosova.-Otchet-o-realizatsii-Programmy-razvitiya-v-2020-godu.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).

(Elenius, 2015). Монография стала результатом продолжительной коллективной работы международной исследовательской группы, объединившей 27 авторов, включая представителей России, Норвегии, Финляндии и Швеции (Голдин, 2015).

Сотрудничество в сфере науки и высшего образования способствовало формированию устойчивых долгосрочных связей между университетами Баренцева региона, важным результатом чего стал ряд крупных совместных исследовательских проектов. В частности, в 2007 г. Университет Тромсё и Поморский государственный университет поддержали реализацию норвежско-российского проекта «Асимметричное соседство: Россия и Норвегия. 1814–2014 гг.», к которому были привлечены ведущие исследователи двух стран (Голдин, Зайков, Нильсен, 2015; Голдин, Соколова, 2022). В работе был проанализирован общий исторический опыт, формы контактов и сотрудничества на Севере на протяжении двух столетий. К числу значимых академических достижений относится и выпуск двухтомной энциклопедии Баренцева региона, включающей 415 статей, посвящённых историческим, социально-культурным, экономическим и политическим аспектам развития БЕАР (Olsson M.-O., 2016a; Olsson M.-O., 2016b).

Существенным элементом сотрудничества стал и финансовый вклад стран Северной Европы в развитие российских вузов. В течение длительного времени Секретариат Баренцева Евро-Арктического региона выступал ключевым международным партнёром Поморского государственного университета. В 2000–2004 гг. более 70% средств, получаемых от международных источников, приходилось на учреждения и организации стран Северной Европы. От Секретариата БЕАР на реализацию научно-исследовательских проектов ПГУ получил 11,7 млн рублей²³, что составляло около 35% всех средств, привлечённых университетом от международных институтов. Данный пример свидетельствует, что образовательное и научное сотрудничество в рамках БЕАР носило выражено прикладной и взаимовыгодный характер, одновременно способствуя укреплению гуманитарных связей и развитию российской науки, а также расширению влияния североевропейских партнёров на российское академическое пространство.

Одним из наиболее активно декларируемых направлений взаимодействия в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стало молодёжное сотрудничество. Программы молодёжных обменов, совместные образовательные проекты, летние школы, культурные и спортивные мероприятия способствовали развитию контактов между молодыми людьми из стран региона. Особую роль сыграла деятельность Баренцева регионального молодёжного совета, созданного в 2004 г. и функционировавшего преимущественно как дискуссионный и представительный орган. Одной из целей Совета является «укрепление Баренц-идентичности среди молодёжи региона путём установления контактов через культурные и

²³ Архив ПГУ. Научно-исследовательская деятельность в Поморском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 2000–2004 годах; 32.

географические границы»²⁴, что отражает стремление к формированию символического пространства общности. На практике это реализовывалось главным образом в форме коммуникации и экспертного взаимодействия, а не через масштабные прикладные проекты. Вместе с тем даже в таком формате молодёжное сотрудничество выполняло определённую функцию. Регулярное общение, участие во встречах, а также включённость в общеевропейское дискуссионное пространство способствовали расширению культурных и профессиональных горизонтов участников, формированию устойчивых трансграничных контактов и закреплению позитивного восприятия стран Северной Европы как открытого и привлекательного пространства для самореализации, стимулируя образовательную и миграционную мобильность. Стоит отметить, что финансирование молодёжного сотрудничества в БЕАР имело асимметричную структуру. Основной вклад обеспечивала Норвегия, МИД которой ежегодно выделял северным губерниям более 20 млн крон на трансграничные проекты (Аверьянова, 2014).

Проведённый анализ культурного, молодёжного и научно-образовательного сотрудничества в рамках БЕАР позволяет сделать вывод о высокой интенсивности гуманитарных взаимодействий. Форматы сотрудничества способствовали формированию устойчивых трансграничных контактов, развитию сетевых взаимодействий между субнациональными и негосударственными акторами, а также созданию благоприятной среды для диалога в северных регионах России и Северной Европы.

Несмотря на то, что наиболее интенсивное сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе происходило в социально-культурной и научно-образовательной сферах, нельзя не отметить наличие взаимодействия по другим направлениям. Экологическое измерение стало одним из приоритетных направлений Баренцева Евро-Арктического сотрудничества в силу возрастания экологических рисков. В официальных документах, включая Киркенесскую декларацию²⁵, подчёркивается необходимость реабилитации территорий, пострадавших в результате эксплуатации ядерных объектов. Наибольшее внимание при этом уделялось российской части Баренцева Евро-Арктического региона, где в середине XX в. сформировался значительный объём радиоактивного загрязнения, обусловленный атмосферными ядерными испытаниями, затоплением атомных подводных лодок, а также захоронением реакторов в Баренцевом море и у архипелага Новая Земля (Heininen, 2016).

Практическим инструментом экологического взаимодействия в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стала работа по выявлению и устранению так называемых экологических «горячих точек», под которыми понимаются загрязнённые промышленные объекты и локальные очаги экологического ущерба, представляющие угрозу для здоровья

²⁴ The Barents Youth Program 2021–2024. URL: <https://www.barentsyouth.org/the-barents-youth-program-2021-2024.6512651-575768.html> (дата обращения: 11.12.2025).

²⁵ Declaration on the Cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.01.1993. URL: <http://library.arcticportal.org/2810/> (дата обращения: 13.12.2025).

населения и экосистем²⁶. В 2003 г. совместная экспертная группа представила доклад, посвящённый экологическим проблемам российской части Баренц-региона, в результате были идентифицированы 42 «горячие точки». Реализация очистных мероприятий финансировалась за счёт средств собственников предприятий, федеральных и региональных органов власти России, а также при дополнительной поддержке профильной подгруппы по исключению «горячих точек»²⁷. По состоянию на 2020 г. 12 проблемных объектов были полностью выведены из перечня, 3 — частично исключены, тогда как ещё 27 «горячих точек» и 3 частичных объекта продолжали сохранять статус экологически неблагоприятных территорий²⁸. В целом данный формат взаимодействия демонстрировал прикладной характер Баренцева сотрудничества и ограничивался только территорией России. С 2022 г. работа по данному направлению была приостановлена.

Несмотря на значительный природно-ресурсный потенциал Баренцева Евро-Арктического региона, экономическое направление сотрудничества так и не стало его устойчивой основой. Уже к концу XX в. внимание участников взаимодействия постепенно сместилось с экономических задач на «человеческое измерение», тогда как трансграничное бизнес-партнёрство, на которое возлагались высокие ожидания в 1990-е гг., оказалось труднореализуемым (Elenius, 2015). Одной из причин этого, по мнению североευропейских исследователей, стала структура экономик регионов, вовлечённых в Баренц-сотрудничество: преобладание крупных промышленных производств и сферы услуг снижало востребованность институтов межрегионального экономического взаимодействия²⁹. Крупные предприятия, как правило, не нуждались в посредничестве при установлении внешнеэкономических связей, тогда как сектор услуг был значительно более развит в североευропейских странах, чем в российских регионах, что дополнительно ограничивало потенциал кооперации. Российские исследователи к причинам слабого экономического сотрудничества в регионе относят торгово-административные барьеры: сложный визовый режим для бизнеса, неэффективные таможенные процедуры, а также усложнённое импортное регулирование, что объективно требовало перехода к более либерализованному и преференциальному торговому режиму между странами региона (Пластинин, Силуанова, 2012). Реализация масштабных инвестиционных проектов также носила ограниченный характер. Фактически единственным примером стала попытка освоения Штокмановского месторождения, в рамках которого 24% акций совместной

²⁶ Hot Spots Tour. URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/8a14b67ba90f4f06bb6b38f80488ded3> (дата обращения: 24.01.2026).

²⁷ Рабочая программа. Подгруппа по исключению горячих точек 2020. URL: https://barents-council.org/files/Working-Groups/SHE_Work_Programme_2020-23_RU.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

²⁸ Archive material: Environmental Hot Spots excluded from the Barents List. URL: <https://barents-council.org/working-groups/environment/hot-spots/barents-environmental-hot-spots/check-out-environmental-hot-spots-excluded-from-the-barents-list> (дата обращения: 24.01.2026).

²⁹ Barents 2050 — Impacts, opportunities, and risks of climate change and climate change mitigation — presentation, 2017. URL: <https://publications.vtt.fi/pdf/technology/2017/T316.pdf> (дата обращения: 05.01.2026).

компании принадлежало норвежской StatoilHydro (сейчас — Equinor), однако проект так и не был запущен³⁰. В результате, как отмечает Ю.Ф. Лукин, экономические и политические отношения в регионе в большей степени характеризовались конкуренцией и стремлением к получению односторонних выгод, чем устойчивым партнёрством (Лукин, 2010).

В структуре экономического взаимодействия Баренцева Евро-Арктического региона особое место занимал трансграничный туризм, рассматриваемый как одно из немногих практических направлений сотрудничества. С середины 2010-х г. фиксируется рост туристических поездок граждан России в североевропейские страны БЕАР, тогда как туристический поток из Норвегии, Швеции и Финляндии в Россию, напротив, демонстрировал тенденцию к снижению (Терещенко, 2018). При этом развитие туристических связей сохраняло значимый потенциал для региона, способствуя модернизации транспортной инфраструктуры, расширению культурных контактов между жителями северных территорий и привлечению дополнительных инвестиций.

Элементом туристического сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стало обсуждение визового режима как инструмента облегчения трансграничных контактов. В практическом плане был предпринят ряд шагов по либерализации передвижения. В 2008 г. была введена Поморская виза, упростившая получение виз жителями Архангельской и Мурманской областей, а в 2012 г. установлен безвизовый режим для населения 30-километровой приграничной зоны, что привело к росту трансграничной мобильности (Zaretskaya, 2016). Параллельно развивалась и политическая дискуссия по вопросу о дальнейшей либерализации визового режима. Впервые идея его смягчения была озвучена в 2008 г. на встрече министра иностранных дел Норвегии Й.Г. Стёре с губернатором Мурманской области Ю. Евдокимовым, а позднее, в 2018 г., норвежская провинция Финнмарк в период своего председательства в Баренцевом региональном совете выступила с инициативой введения безвизового режима в БЕАР³¹. С учётом ограничений, вытекающих из Шенгенского соглашения, предлагался компромиссный вариант 72-часового безвизового пребывания на территории региона³². Несмотря на активность обсуждений, данные инициативы так и не привели к установлению полноценного безвизового режима в Баренцевом Евро-Арктическом регионе.

Важным дополнением к межгосударственному и межрегиональному сотрудничеству в Баренцевом Евро-Арктическом регионе стало развитие межмуниципальных контактов и партнёрских отношений между городами и муниципалитетами. Административные единицы

³⁰ Штокман наконец поделили. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/10/26/135051> (дата обращения: 05.01.2026).

³¹ Баренцево сотрудничество ставит целью безвизовый режим. Критики считают это авантюрой. URL: <https://thebarentsobserver.com/ru/granicy-obshchestvennost/2018/10/barencevo-sotrudnichestvo-stavit-celyu-bezvizovyy-rezhim-kritiki> (дата обращения: 24.01.2026).

³² Норвежцы предлагают ввести безвизовый режим на всей территории Баренц-региона. URL: <https://nao24.ru/obshestvo/9480-norvezhcy-predlagayut-vvesti-bezvizovyy-rezhim-na-vsey-territorii-barenc-regiona.html> (дата обращения: 24.01.2026).

России совместно с норвежскими, финскими и шведскими регионами участвовали в проектных и диалоговых инициативах, направленных на укрепление практических связей, обмен опытом и развитие инфраструктуры регионов. С 1993 г. Архангельская область заключила 11 соглашений с североευропейскими регионами (8 с Норвегией, 2 с Финляндией и 1 со Швецией)³³, а Мурманская — 19 соглашений (13 с Норвегией, 4 с Финляндией и 2 со Швецией)³⁴. Региональные советы и рабочие группы способствовали согласованию совместных проектов и укреплению доверия на уровне местных властей, а отдельные территории участвовали в побратимских отношениях с зарубежными городами, что открывало дополнительные возможности для культурных, образовательных и социальных обменов (Болдырева, Болдырев, Чередникова, 2023). Деятельность на уровне муниципалитетов дополняла формальные рамки Баренц-сотрудничества и отражала активное международное региональное взаимодействие, выходящее за пределы межправительственных соглашений. Инициативы в основном были ориентированы на развитие культурных и общественных связей, а также на обмен практиками в различных сферах деятельности. На практике активное побратимское сотрудничество в полной мере сохранялось преимущественно в региональных столицах (Архангельск, Мурманск и др.), тогда как в других муниципалитетах оно сводилось к поддержанию контактов и информационному обмену, а в ряде территорий было приостановлено по финансовым причинам³⁵. Таким образом, внутри российских регионов, участвовавших в Баренц-сотрудничестве, развитие побратимских и межмуниципальных связей носило неравномерный характер, отражая различия в финансовых возможностях, административных ресурсах и степени вовлечённости отдельных муниципалитетов в международное взаимодействие.

В целом Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество характеризовалось преобладанием гуманитарного измерения, тогда как экономическое взаимодействие носило ограниченный и фрагментарный характер. Наиболее устойчивые и институционально оформленные способы взаимодействия сложились в сферах культуры, образования, науки и молодёжных обменов, где трансграничные проекты способствовали формированию плотных горизонтальных связей между регионами и населением стран Баренц-региона. Для России участие в Баренцевом сотрудничестве в 1990–2000-е гг. имело заметные социальные и экономические эффекты, прежде всего на региональном уровне. Архангельская область и другие северо-западные регионы получили доступ к образовательным программам, академическим обменам, грантовому финансированию и инфраструктурным инициативам,

³³ Международные и межрегиональные связи Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/foreign/> (дата обращения: 25.01.2026).

³⁴ Реестр международных соглашений о сотрудничестве. URL: https://npa.gov-murman.ru/soglasheniya/reg_international_coop/ (дата обращения: 25.01.2026).

³⁵ О роли и значении побратимских связей городов Архангельской области (Справка). URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/bd59164cfcf3a5d20486be8385214921.docx> (дата обращения: 25.01.2026).

что способствовало развитию человеческого капитала, повышению мобильности молодёжи и включённости регионов в международные сети. Так, по программе приграничного сотрудничества «Коларктик»³⁶ в период с 2010 по 2015 гг. проектные заявки Архангельской области получили финансирование в объёме более 19 млн евро, из которых около 700 тыс. евро были привлечены на реализацию задач Северного (Арктического) федерального университета (Кудряшова, Зарубина, 2018). В целом Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество на протяжении нескольких десятилетий выполняло для северных регионов России компенсаторную и стабилизирующую функцию, обеспечивая приток финансовых и экспертных ресурсов и способствуя сохранению научно-образовательного и культурного потенциала. Оно поддерживало включённость российских территорий в международные гуманитарные и академические сети, особенно в периоды ослабления федеральной поддержки.

Существенный вклад был внесён и в улучшение экологической ситуации, в том числе за счёт реализации проектов по ликвидации экологических «горячих точек» и снижению трансграничных экологических рисков. Значительную роль в формировании плотной сети взаимодействий сыграли межмуниципальные связи и побратимские отношения городов, которые позволяли переводить рамочные договорённости Баренцева сотрудничества в конкретные культурные, образовательные и социальные инициативы на уровне местных сообществ. В совокупности механизмы Баренцева сотрудничества способствовали поддержке социально-культурной и научно-образовательной сферы в российских северных регионах в постсоветский период, содействовали формированию доверия между жителями приграничных территорий и укреплению устойчивости и предсказуемости взаимодействия на Севере Европы.

В то же время анализ практик сотрудничества в БЕАР выявляет его двойственный характер. Наряду с очевидными взаимовыгодными результатами, ряд инициатив выполнял функцию инструментов «мягкой силы», прежде всего со стороны североевропейских государств (Соколова, Труфанова, 2025). Асимметрия финансовых и институциональных ресурсов, доминирующая роль Норвегии в формировании повестки и приоритетное внимание к гуманитарному и «человеческому измерению» сотрудничества способствовали формированию благоприятного образа Северной Европы и закреплению нормативных и ценностных ориентиров, не всегда совпадавших с интересами российской стороны. В результате не все формы взаимодействия приводили к устойчивым взаимовыгодным эффектам, а часть проектов носила характер одностороннего влияния, замаскированного под деполитизированное региональное сотрудничество.

³⁶ Хотя программа «Коларктик» не входила в институциональную структуру Баренцева Евро-Арктического сотрудничества и реализовывалась в рамках политики приграничного сотрудничества ЕС, на практике она развивалась в тесной связке с Баренц-сотрудничеством. Участие российских северных регионов в «Коларктик» стало возможным благодаря ранее сформированным в рамках БЕАР трансграничным сетям, институциональному доверию и накопленному опыту гуманитарного и научно-образовательного взаимодействия.

В качестве примера стоит отметить асимметричную выездную мобильность студентов в Баренц-регионе (рис. 3). Образование (а конкретнее — академические обмены и предоставление образовательной возможности иностранным студентам) является важным механизмом реализации мягкой силы. Студенты, обучаясь по обмену в другом государстве, «вместе с изучением языка будут постепенно знакомиться с достижениями науки и культуры принимающей страны, вернувшись с приобретёнными знаниями и личными отношениями» (Манукян, 2023), после чего они могут стать трансляторами культуры и ценностей той страны, где они проходили обучение. Такую возможность в БЕАР отмечал и Г. Хеннеланд, называя таких студентов — молодых россиян, владеющих североевропейскими языками и знакомых с западной деловой практикой — «Баренц-поколением» (Hønneland, 1998). Примечательно, что к такому «поколению» автор причисляет только жителей России, что указывает на прямое влияние со стороны североевропейских государств, а не наоборот.

Общеизвестно, что «мягкосиловое» воздействие направлено прежде всего на усиление влияния на другое государство путём создания привлекательного образа собственной культуры, ценностей и политических идей для реализации своих национальных интересов. Одновременно оно формирует у населения страны, подвергающейся воздействию, чувство несоответствия собственной страны предлагаемым ценностям. О том, в какой мере Норвегии удалось воздействовать на общественное сознание жителей северных российских регионов, прежде всего молодёжи и работников интеллектуального труда, свидетельствует ряд исследований профессора САФУ им. М.В. Ломоносова (в 1990-е — первом десятилетии 2000-х гг. — профессор ПГУ), выполненных на основе анализа публикаций в СМИ (Репневский, 2010; Репневский, 2013). Автор небезосновательно утверждает, что «последние полтора десятилетия XX века и начало века нынешнего... благодаря активной деятельности учёных и журналистов, множественным личным деловым и дружественным контактам... появилось ощущение общности, сопричастности двух стран ко всему, что происходит в Арктике» (Репневский, 2010). Автор пишет, что у жителей российских регионов появилось «восхищение, что столь долгий исторический период Норвегия обеспечивает благополучие своих граждан» (Репневский, 2010), что в региональном общественном сознании Норвегия воспринималась как «страна демократическая, которая помогает развивать демократию всем желающим за границей» (Репневский, 2013). Хотя сам автор справедливо признаёт идеалистичность этого образа (Репневский, 2013).

Однако эффекты «мягкосилового» воздействия не были односторонними. Привлекательный образ «общества всеобщего благоденствия» манил россиян и имел следствием увеличение числа мигрантов из России в Норвегию (см. рис. 4). Увеличение числа выходцев из России в странах Северной Европы способствовало росту численности и институционализации российских диаспор. Расширение русскоязычных сообществ, реализация культурных инициатив, образовательных проектов и развитие

профессиональных сетей способствовали тому, что российские граждане оказывали определённое влияние на социально-культурное и научно-образовательное пространство Северной Европы.

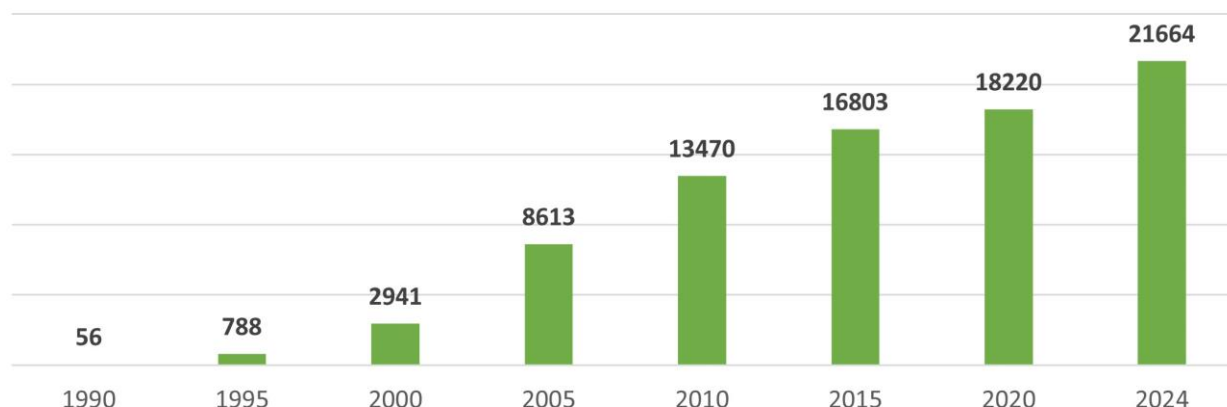

Рис. 4. Мигранты из России в Норвегию, 1990–2024 гг., чел.³⁷

В целом сотрудничество в рамках Баренцева региона, способствуя формированию позитивного образа стран Северной Европы, в большей степени стимулировало отток человеческого капитала из России, нежели обеспечивало его профессиональную самореализацию или формирование устойчивого канала «мягкосилового» воздействия на Россию.

Кроме того, по мере длительного проживания в странах Северной Европы россияне начинали более реалистично воспринимать ценности принимающих сообществ и транслировали своё видение жизни в этих странах на Россию. Прежде всего, оказались несостоявшимися их надежды на полноценную интеграцию в профессиональное пространство этих стран в контексте Болонского процесса. Так, русскоязычное сообщество в Норвегии в середине 2000-х гг. отличалось высоким уровнем образования — 47% мигрантов имели высшее образование, однако лишь незначительная часть устраивалась на работу по специальности (Багреева, 2014). Большинство было занято в сфере услуг, гостиничном и ресторанном бизнесе, социальной сфере, нередко начиная трудовую деятельность с низкоквалифицированных позиций или длительное время оставаясь вне рынка труда (Багреева, 2014).

Постепенно более реалистичный взгляд на Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество и истинные намерения его учредителей складывался под воздействием практической деятельности стран Северной Европы в военной сфере. Как отмечалось ранее, Норвегия стояла у истоков создания НАТО и продолжала в своей политике безопасности опираться на ведущие атлантические государства. Уже в начале 1990-х гг. Швеция и Финляндия последовательно включались в евроатлантические структуры безопасности. В 1992 г. они стали наблюдателями в Совете североатлантического сотрудничества, а в 1994 г.

³⁷ Составлено авторами по данным: Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/05184/tableViewLayout1/> (дата обращения: 19.12.2025).

присоединились к программе НАТО «Партнёрство ради мира», что открыло путь к регулярным консультациям и углублению военного взаимодействия с альянсом. В дальнейшем обе страны участвовали в операциях и миссиях под эгидой НАТО, а также в Силах реагирования, что способствовало повышению их оперативной совместимости с НАТО. Помимо институционального сближения с НАТО, страны Северной Европы в 1990–2000-е гг. активно развивали практическое военно-политическое взаимодействие, что выражалось в регулярном участии в совместных учениях, росте оперативной совместимости и закупке продукции американского военно-промышленного комплекса³⁸. Швеция, Финляндия и Норвегия последовательно участвовали в многонациональных учениях под эгидой НАТО, а также адаптировали свои оборонные доктрины к логике коллективной безопасности, что свидетельствовало о приоритете евроатлантического вектора в сфере «жёсткой» безопасности (Friis, Tamnes, 2024). На этом фоне Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество сохраняло выраженно гуманитарный характер и сознательно выводилось за рамки военной повестки.

В целом Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество отличалось двойственностью результатов как для России, так и для стран-инициаторов данного проекта.

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что в развитии Баренцева Евро-Арктического сотрудничества были заинтересованы все страны-участницы, однако общность их интересов заключалась лишь в одном — снизить международную напряжённость в регионе. Россия в рамках реализуемого неолиберального курса была заинтересована в комплексной интеграции в европейское пространство на равноправных условиях и содействии этого сотрудничества социально-экономическому развитию страны и северных регионов за счёт получения доступа к новейшим технологиям. В свою очередь, страны Северной Европы, и прежде всего Норвегия как инициатор создания регионального объединения, были заинтересованы в ресурсной базе России, в усилении своего политического влияния в регионе и на Россию, а также в обеспечении своей безопасности не только жёсткими, но и мягкими средствами. В связи с чем с повестки БЕАР изначально были выведены вопросы сотрудничества в военной сфере, и фактически взаимодействие свелось к гуманитарной сфере, а именно к вопросам культуры, экологии, науки, образования и молодёжи.

Рассматривая результаты сотрудничества, следует признать, что регион получил импульс к международному многостороннему и двустороннему сотрудничеству на Севере и в Арктике, в которое наряду с государствами были вовлечены субнациональные и негосударственные акторы международных отношений. Заметно снизилась международная напряжённость. Практически на протяжении 25 лет Север и Арктика ассоциировались с

³⁸ Позиции Швеции и Финляндии по вступлению в НАТО. 19.04.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/v-gramolin/pozitsii-shvetsii-i-finlyandii-po-vstupleniyu-v-nato/> (дата обращения: 05.01.2025).

территорией «диалога и сотрудничества». В связи с развитием трансграничного сотрудничества был дан определённый импульс развитию северных территорий стран-участниц объединения за счёт развития социально-культурной и научно-образовательной сферы. Нельзя не признать, что на уровне региональных сообществ расширились деловые и межличностные контакты, возросло взаимопонимание и взаимопроникновение культур, доверие друг к другу.

Однако не оправдались надежды России на развитие сотрудничества в экономической сфере и окончательное решение проблем обеспечения военной безопасности. Как реципиент финансовых средств, Россия была вынуждена признавать навязанные правила игры. В свою очередь, страны Северной Европы, прежде всего Норвегия, частично смогли оказать определённое воздействие мягкими средствами на общественное сознание жителей северных субъектов России, особенно среди молодёжи, работников культуры и научно-образовательной сферы. Страны Северной Европы, преимущественно Норвегия, нередко воспринимались как «общество всеобщего благоденствия». Однако в целом североевропейским государствам не удалось в полной мере через «мягкосиловые» механизмы сформировать внутри России устойчивую прослойку сторонников, способных активно продвигать их ценности или политические установки. Напротив, наблюдалась обратная динамика: российские граждане, мигрировавшие в Норвегию, Финляндию и Швецию, а также российские культурные и профессиональные сообщества, участвовавшие в трансграничных проектах, в ряде случаев оказывали влияние на гуманитарную повестку североевропейских стран: от развития русскоязычных культурных инициатив до расширения профессиональных и образовательных обменов.

Реалистично оценивая влияние этого сотрудничества на национальные интересы России, следует выделить ряд положений. Лишь на время, пока не стало столь очевидным продвижение НАТО на Восток, была отложена проблема обеспечения военной безопасности России в регионе. В условиях ослабления связи между федеральным центром и её субъектами возникали риски нарастания сепаратистских настроений, особенно среди тех этнических групп, которые имели сородичей в странах Северной Европы (саамы, карелы, финны), а также приверженцев общности российских и норвежских поморов. Эти настроения потенциально могли подпитываться частью регионального интеллектуального сообщества, которое весьма позитивно и одновременно нередко идеалистично воспринимало североевропейские ценности. Наконец, Россия наивно полагала, что холодная война завершилась по обоюдному согласию, тогда как западные страны изначально считали, что она эту войну проиграла. В связи с чем существенно упал престиж России и её политическое влияние в мире и регионе, что дополнительно явилось следствием финансово-экономической слабости страны.

Список источников

- Аверьянова С.А. Процессы институционализации молодёжного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Арктика и Север. 2014; 15: 6–14.
- Багреева Е.В. Русскоязычное сообщество в Норвегии: история формирования и специфика адаптационных процессов // Гуманитарий Юга России. 2014; 3: 106–120.
- Бестужева К.Г. «Человеческое измерение» международных отношений на Севере Европы: к 20-летию Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014; 4: 181–183.
- Болдырева С.Ю., Болдырев Р.Ю., Чередникова А.Ю. История международных связей городов Архангельской области в 1990–2010-е годы: попытка перехода от социально-гуманитарного к торгово-экономическому сотрудничеству // Научный диалог. 2023; 12 (7): 254–287. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287>
- Голдин В.И. Вхождение университетов в международное научно-образовательное пространство: опыт и проблемы (на материалах Европейского Севера России) // Поволжский педагогический поиск. 2019; 2 (28): 15–19. <https://doi.org/10.33065/2307-1052-2019-2-28-15-19>
- Голдин В.И. Новый труд по истории Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015; 5: 159–163.
- Голдин В.И., Зайков К.С., Нильсен Й.П. Диалог в Осло: Норвегия и Россия. Вехи пройденного пути // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015; 4: 172–175.
- Голдин В.И., Соколова Ф.Х. Архангельская область в системе подготовки специалистов в области международных отношений // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022; 5: 126–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V215>
- Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020; 4: 94–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
- Корниленко А.В. Поморский индигенный сепаратизм на Русском Севере: истоки, угрозы, тенденции // Философия права. 2023; 3 (106): 187–192.
- Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018; 6: 88–97. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.88>
- Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет. 2010; 400 с.
- Манукян А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства // Социально-гуманитарные знания. 2023; 3: 133–137. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.3.52986>
- Межевич Н.М., Ногаев И.В. Финляндия в НАТО. Генезис современной ситуации и перспективы ее эволюции // Современная Европа. 2024; 7 (128): 134–144. <https://doi.org/10.31857/S0201708324070118>
- Насонова Н.П. Страны Баренцева региона — пример успешного инновационного развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013; 2: 51–56.
- Окунев Ю.П. Социокультурный потенциал Архангельской области в проектах сотрудничества стран Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 3: 115–121.
- Паникар М.М., Соколова Ф.Х. «Мурманские инициативы» М.С. Горбачева и их реализация в Арктическом регионе как элемент политики «нового мышления» // Арктика и Север. 2026; 62: 148–169. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148>
- Пластинин А.В., Силуанова Л.С. Потенциал и перспективы развития сотрудничества бизнеса в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Экономика и управление. 2012; 7 (81): 109–114.
- Репневский А.В. Норвежцы в северных водах прежде и теперь: взгляд русских поморов // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010; 1: 25–32.
- Репневский А.В. Российский взгляд на Норвегию в «розовых очках» и без них // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.

- науки. 2013; 1: 32–40.
- Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025; 5: 5–20. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456>
- Тевлина В.В. Социально-культурное направление в трансграничной политике Норвегии и России на Крайнем Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012; 3: 23–34.
- Терещенко Е.Ю. Динамика развития приграничного туризма в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Арктика и Север. 2018; 33: 56–65. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.56>
- Brown-Leonardi C. Encountering the Changing Barents — Research Challenges and Opportunities. Rovaniemi: Arctic Centre, University of Lapland; 2010. 131 p.
- Encyclopedia of the Barents Region. Volume 1: A-M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016. 559 p.
- Encyclopedia of the Barents Region. Volume 2: N-Z / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016. 593 p.
- Eriksson J. Security in the Barents Region: Interpretations and Implications of the Norwegian Barents Initiative // Cooperation and Conflict. 1995; 30 (3): 259–286. <https://doi.org/10.1177/0010836795030003003>
- Friis K., Tamnes R. The defence of northern Europe: new opportunities, significant challenges // International Affairs. 2024; 100(2): 813–824. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae019>
- Heininen L. Nuclear problems / Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. II. N–Y / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX. 2016; 109–112.
- Heininen L., Lomagin N.A. Geopolitics, security, and globalization. In: Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016: 269–274.
- Hønneland G. Arctic Euphoria and International High North Politics. Singapore: Palgrave Macmillan; 2017. 103 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-6032-8>
- Hønneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // Cooperation and Conflict. 1998; 33 (3): 277–297. <https://doi.org/10.1177/0010836798033003003>
- Medby I.A. A ‘peopled’ account of political agency in the Arctic: Professional practice and people-to-people participation // The Geographical Journal. 2022; 189 (3): 412–421. <https://doi.org/10.1111/geoj.12486>
- Salo M., Vasiliev V.N. Education / Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016: 159–170.
- Society, Environment and Human Security in the Arctic Barents Region / Ed. by K. Hossain, D. Cambou. London: Routledge; 2018. 238 p. <https://doi.org/10.4324/9781351171243>
- The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe / Ed. by L. Elenius. Oslo: PAX; 2015. 518 p.
- The New Northern Dimension of the European Neighbourhood / Ed. by P. Aalto, A. Aasland, M. Anker, et al. Brussels: Centre for European Policy Studies; 2008. 247 p.
- Zaretskaya O.V. Diplomatic relations / Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M / Ed. by M.-O. Olsson. Oslo: PAX; 2016: 137–139.
- Zimmerbauer K. Unusual Regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the Making // Regional Studies. 2013; 47 (1): 89–103. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236>

References

- Aalto P., Aasland A., Anker M., eds. *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. Brussels, Centre for European Policy Studies; 2008. 247 p.
- Averianova S.A. Processes of Institutionalization of Youth Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2014; 15: 6–14.
- Bagreeva E.V. The Russian Speaking Community in Norway: The History of Its Formation and the Particularities of Its Adaptation Processes. *Humanities of the South of Russia*. 2014; 3: 106–120.
- Bestuzheva K.G. “The Human Dimension” of International Relations in Northern Europe: On the 20th Anniversary of the Barents Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2014; 4: 181–183.
- Boldyreva S.Yu., Boldyrev R.Yu., Cherednikova A.Yu. History of International Relations of Cities of

- Arkhangelsk Region in 1990s — 2010s: Transition from Social-Humanitarian to Trade-Economic Cooperation. *Nauchnyi Dialog*. 2023; 12 (7): 254–287. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-254-287>
- Brown-Leonardi C. *Encountering the Changing Barents — Research Challenges and Opportunities*. Rovaniemi: Arctic Centre, University of Lapland; 2010. 131 p.
- Elenius L., ed. *The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe*. Oslo, PAX; 2015. 518 p.
- Eriksson J. Security in the Barents Region: Interpretations and Implications of the Norwegian Barents Initiative. *Cooperation and Conflict*. 1995; 30 (3): 259–286. <https://doi.org/10.1177/0010836795030003003>
- Friis K., Tamnes R. The Defence of Northern Europe: New Opportunities, Significant Challenges. *International Affairs*. 2024; 100(2): 813–824. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae019>
- Goldin V.I. A New Work on the History of the Barents Region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2015; 5: 159–163.
- Goldin V.I. Universities Joining the International Scientific and Educational Space: Experience and Problems (Experience of the European North of Russia). *Volga Region Pedagogical Search*. 2019; 2 (28): 15–19. <https://doi.org/10.33065/2307-1052-2019-2-28-15-19>
- Goldin V.I., Sokolova F.Kh. Arkhangelsk Region in the System of Training Specialists on International Relations. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2022; 5: 126–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V215>
- Goldin V.I., Zaykov K.S., Nilsen Y.P. Dialogue in Oslo: Norway and Russia. Milestones along the Way. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2015; 4: 172–175.
- Heininen L. Nuclear Problems. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. II. N–Y*. Oslo, PAX; 2016: 109–112.
- Heininen L., Lomagin N.A. Geopolitics, Security, and Globalization. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M*. Oslo, PAX; 2016: 269–274.
- Hønneland G. *Arctic Euphoria and International High North Politics*. Singapore, Palgrave Macmillan; 2017. 103 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-6032-8>
- Hønneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region. *Cooperation and Conflict*. 1998; 33 (3): 277–297. <https://doi.org/10.1177/0010836798033003003>
- Hossain K., Cambou D., eds. *Society, Environment and Human Security in the Arctic Barents Region*. London, Routledge; 2018. 238 p. <https://doi.org/10.4324/9781351171243>
- Konyshov V.N. Neoclassical Realism in the Theory of International Relations. *Polis. Political Studies*. 2020; 4: 94–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>
- Kornilenko A.V. Pomeranian Indigenous Separatism in the Russian North: Origins, Threats, Trends. *Philosophy of Law*. 2023; 3 (106): 187–192.
- Kudryashova E.V., Zarubina L.A. International Projects as a Tool of Regional Development and Cooperation Enhancement (Case of Arkhangelsk Region Participation in Kolarctic CBC Programme). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2018; 6: 88–97. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.88>
- Lukin Yu.F. *Great Repartition of Arctic Regions*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University. 2010. 400 p. (In Russ.)
- Manukyan A.R. The Role of Education in the “Soft Power” of the Modern State. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2023; 3: 133–137. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.3.52986>
- Medby I.A. A ‘Peopled’ Account of Political Agency in the Arctic: Professional Practice and People-to-People Participation. *The Geographical Journal*. 2022; 189 (3): 412–421. <https://doi.org/10.1111/geoj.12486>
- Mezhevich N.M., Nogaev I.V. Finland in NATO. Genesis of the Current Situation and Prospects for Its Evolution. *Contemporary Europe*. 2024; 7 (128): 134–144. <https://doi.org/10.31857/S0201708324070118>
- Nasonova N.P. The Barents Region Countries — An Example of Successful Innovative Development. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 2: 51–56.

- Okunev Yu.P. Sociocultural Potential of the Arkhangelsk Region in Cooperation Projects of the Barents Region Countries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 3: 115–121.
- Olsson M.O., ed. *Encyclopedia of the Barents Region. Volume 1: A-M*. Oslo, PAX; 2016. 559 p.
- Olsson M.O., ed. *Encyclopedia of the Barents Region. Volume 2: N-Z*. Oslo, PAX; 2016. 593 p.
- Panikar M.M., Sokolova F.H., Vilken V.V. "Murmansk Initiatives" by M. Gorbachev and Their Implementation in the Arctic Region as an Element of the "New Thinking" Policy. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2026; 62: 148–169. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.148>
- Plastinin A.V., Siluanova L.S. Potential and Prospects for Development of Business Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). *Economics and Management*. 2012; 7 (81): 109–114.
- Repnevsky A.V. Norwegians in the Northern Waters Before and Now: The View of the Russian Pomors. *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2010; 1: 25–32.
- Repnevsky A.V. The Russian View on Norway through Rose-Coloured Glasses and without Them. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2013; 1: 32–40.
- Salo M., Vasiliev V.N. Education. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M*. Oslo, PAX; 2016: 159–170.
- Sokolova F.Kh., Trufanova E.A. Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2025; 5: 5–20. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V456>
- Tereshchenko E.Yu. Dynamics of Border Tourism in the Barents Euro-Arctic Region. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2018; 33: 56–65. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.56>
- Tevlina V.V. Sociocultural Area of Trans-Border Policy of Norway and Russia in the Far North. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2012; 3: 23–34.
- Zaretskaya O.V. Diplomatic Relations. In: *Encyclopedia of the Barents Region: In 2 Vols. Vol. I. A–M*. Oslo, PAX; 2016: 137–139.
- Zimmerbauer K. Unusual Regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the Making. *Regional Studies*. 2013; 47 (1): 89–103. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236>

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 27.02.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов